

Вечер окутывал город и весь мир темнотой, и в этой темноте чья-то незримая отсюда, с Земли, рука зажигала звёзды. Они вспыхивали в небе одна за другой, словно лампочки великой вселенской гирлянды. Но они, конечно же, не были лампочками, потому что звёзды рождались, жили и умирали — каждая по-своему.

Василий Ильич знал о звёздах всё, он любил их и жалел о том, что не может до них добраться, чтобы увидеть так же близко, как Солнце. Поэтому у Василия Ильича имелась заветная мечта — дожить до того прекрасного времени, когда люди сумеют достичь хотя бы ближайших звёзд. Эта мечта не давала ему покоя уже много лет, с самой юности. В самом деле, тут было над чем размышлять и от чего терзаться. Ведь проклятая конечность скорости, которую вывел Эйнштейн, мешала одолеть бесконечность Вселенной. Ну, как же так? Неужели нельзя её как-нибудь обойти? Неужели учёные никогда не придумают способ?..

— Пойду я посижу полчасика во дворе, — обратился Василий Ильич к жене, боясь вновь услышать её недовольство. — Ага, Наденька?

— Да иди уж, — вздохнув, ответила она. Сегодня Надежда Петровна была в хорошем настроении и, подумав, решила не ругать мужа. — Хоть засидись там.

Июнь в этом году выдался прохладный и дождливый, скупой на жаркие, солнечные дни, но сегодня он, видно, спохватившись, с самого утра баловал хорошей погодой. Вот и вечер был тёплым и безветренным, пожалуй, даже немного душноватым.

Василий Ильич тихонько оделся и вышел из квартиры, радуясь своей вожделенной свободе, которая редко давалась ему так легко, без борьбы и мучений. Он предвкушал удовольствие от того, что сегодня сможет в полной мере насладиться этим чудесным вечером.

Двор уже почти опустел. Лишь в песочнице возились два мальчугана лет пяти-шести да на лавочке у соседнего подъезда сидел дед Тимофеич, доживавший восьмой десяток лет. Он обитал один в двухкомнатной квартире, но изредка к нему наведывался со своей семьёй сын Николай, у которого был какой-то небольшой бизнес.

— Добрый вечер, Тимофеич! — подойдя к лавочке, поприветствовал деда Василий Ильич.

— Здорово, сосед. — Старик крепко пожал протянутую руку. — Что расскажешь?

Несмотря на свой возраст, он ещё твёрдо стоял на ногах и умудрился сохранить полную ясность ума, тогда как некоторые и в пятьдесят уже теряют здравость мыслей.

— Да чего тут рассказывать... — Василий Ильич пожал плечами. — Особо и нечего. — Он присел на лавочку. — Но жизнь ведь... если разобратся, не стоит на месте даже тогда, когда кажется, что в ней ничего не происходит. Правильно? Всё равно каждый день где-то какие-то события... Жизнь идёт.

— Это верно, — кивнул Тимофеич. — Жизнь идёт... и проходит.

Василию Ильичу стало неловко, оттого что нечаянно напомнил деду о неизбежном. Он тут же решил исправить оплошность и увести разговор в другую сторону. А в таких случаях, само собой, говорят о том, что милее всего душе.

— Китайцы-то вон летают на орбите. Так они скоро и нас обгонят.

— Ты об чём это? — не понял Тимофеич.

— Да я про космос говорю. — Василий Ильич указал пальцем в небо. — Китайский корабль-то бороздит просторы Вселенной. И название красивое — “Шэньчжоу”... О как... “Священный чёлн”... В экипаже первая в Китае женщина-космонавт... Вернее, тайконавт...

— Ну да, ну да. — Дед вздохнул. — Эти обгонят. Шустрый народец.

— А я вот думаю, что всё дело в руководстве страны. Если оно, то есть руководство, ясно видит цель и имеет чёткую программу, то и страна способна на многое. Такой стране по плечу любые свершения. Вон при Сталине Советский Союз сумел же стать самой могучей державой. Так ведь?

— При Сталине сумел, — вновь согласился Тимофеич.

— Потому что все, как один, напрягались... Весь народ... Страну после войны из руин подняли за считанные годы, а потом и в космос первыми махнули... — Василий Ильич даже ощутил волнение от своих слов.

— Да, было время, — грустно произнёс дед. — Жилось хоть и трудно, но как-то веселее, чем нынче. Дружнее жили, радостнее... Люди друг к другу относились лучше, добрее. Нет, не все, конечно. Жмоты и дрянные людишки всегда у нас водились, тут уж ничего не попишешь... Но сейчас они почуяли себя чуть ли не боярами новыми. Обнаглели вконец, творят невесть что и презирают трудового человека. А ведь Россия испокон веков на трудягах держалась.

— Ничего, Тимофеич, я думаю, рано или поздно человек труда в нашей стране, как и прежде, будет в почёте.

— Дай-то Бог... — Дед покряхтел. — Жаль только, не доживу до этого.

Василий Ильич замолчал, не зная, что тут можно возразить, и принялся разглядывать звёздное небо, ища в нём поддержки. Оно, как всегда, не подвело, пришло на выручку, подкинув в голову ясные мысли.

— Может, и я не доживу, — сказал он, — но всё равно будет именно так и никак иначе.

— Уверен? — Дед покосился недоверчиво.

— Убеждён, — воодушевился Василий Ильич. — И наступит на всей нашей планете прекрасный Век справедливости.

— Это как? — У Тимофеича округлились глаза.

— Да так... Все люди заживут по уму и справедливости, а в правительстве будут действительно самые достойные. Самые мудрые и честные... И тогда не будет больше никаких войн и террористических актов, и исчезнут воровство и коррупция. В общем, красивая жизнь настанет...

— Да уж... — Тимофеич покачал головой. — Эх, Вася, твои бы слова да Богу в уши. Только что-то с трудом в такое верится.

— А ты верь, дед. Я знаю, что говорю.

— Хороший ты человек, хотя и чужак. — Тимофеич усмехнулся.

— Не чужак я, а звездожитель, — поправил его Василий Ильич. Такое название самому себе он придумал, ещё будучи студентом. Это слово ему очень нравилось, потому что в нём заключалось всё самое главное: романтика и стремление к вечным идеалам. Это слово звучало красиво и удивительно, просто и в то же время ёмко: зве-здо-жи-тель... — Да и все мы, если разобраться, звездожители. Ведь звезда нам всем дарит жизнь.

— Во-во, я и говорю, чужак. — Дед хлопнул себя по коленям и всгал. — Ладно, пойду я. Попью молочка да на боковую.

— Спокойной ночи, — пожелал ему Василий Ильич.

— И тебе, Вася, спокойной. Передавай жене привет...

Тимофеич ушёл в свой подъезд, и вокруг стало пусто и тихо. Только светящиеся окна девятиэтажки напоминали о том, что где-то рядом, в квартирах, происходит какая-то жизнь: кто-то смотрит телевизор или сидит за компьютером, ужинает или читает книгу, а может быть, и влюблённые закладывают друг друга в сладостные объятия.

Оставшись на лавочке один, Василий Ильич предался раздумьям. Через месяц ему должно было исполниться пятьдесят, и думы его поневоле обратились к этому грядущему событию.

“Вот прожил я на этом свете уже практически полвека, и что? Чем могу похвастаться или гордиться? Ведь нет у меня, если разобраться, никаких больших и ярких достижений. Ни одного научного открытия я не сделал, ничего нового и полезного не сконструировал, не создал, какого-то великого подвига не совершил. Вот и выходит, что целых пятьдесят лет я потратил без всякой пользы и ничего этому миру не дал. Обидно... Получается, никакой я не Звездожитель, а бесполезный человек, не нужный на Земле...”

Осознавать такой факт было горько, и Василий Ильич впал в уныние, но оно вдруг было прервано громкими молодыми голосами и смехом...

Посреди двора, окружённые со всех сторон кустами, были вкопаны металлический столик и две лавочки. Там часто по вечерам собирались компании любителей поиграть в домино или попить пиво, а то и просто местные пацаны и девчонки. Посиделки эти иной раз затягивались до глубокой ночи, если не до самого утра. Конечно, бывало, что всё заканчивалось руганью и даже мордобоем. Как говорится, дело обыденное.

Вот и сейчас это облюбованное дворовое место не пустовало.

Привлечённый шумом веселья, Василий Ильич вдруг ощутил потребность прямо сейчас пообщаться с молодёжью. Видимо, таким образом дало о себе знать его долгое учительское прошлое.

Поддавшись своему душевному порыву, он решительно направился к кустам...

* * *

Василий Ильич любил детей и звёзды — пожалуй, звёзды даже немного больше. Вот поэтому он, после педагогического института, и стал учителем астрономии в одной из городских школ. Правда, десятиклассники не

совсем уже были детьми, но поскольку в младших классах астрономии не изучали, то выбирать не приходилось. Главное, Василий Ильич видел в своей работе большую человеческую пользу, отчего ему было радостней и легче жить. Немного огорчало только, что его предмет все считали второстепенным и выделяли ему всего один час в неделю.

— Разве вы не понимаете всю важность астрономии? — бывало, в сердцах говорил он, молодой учитель, директору школы. — Ведь космический век на дворе. Дети должны её знать как можно лучше. Это же, как дважды два...

На каждом своём уроке он с упоением рассказывал о Солнечной системе, о строении Вселенной и о том, какие бывают звёзды. Он рассказывал и то, чего не было в учебнике, выискивая нужную информацию в научно-популярных журналах и телепередачах. Ради этого Василий Ильич стал выписывать “Науку и жизнь” и “Знание — сила”, а когда по телевизору шли “Очевидное — невероятное” и “Человек. Земля. Вселенная”, он брал ручку и записывал разные любопытные факты и новости науки, чтобы потом поделиться этим на уроке со своими учениками. В такие моменты Василий Ильич был не просто учителем, а превращался в настоящего волшебника, властвующего над классом. Его слова обретали магическую силу, пробуждая в юных умах любопытство и жажду познания. Это походило на доброе колдовство...

Жил молодой учитель с родителями в двухкомнатной кооперативной квартире. Его отец работал инженером на заводе энергетического машиностроения, производившем оборудование и стальные конструкции для промышленности родной советской страны.

“Ручной труд — на плечи машин!” — мудро заявила тогда партия, и пролетариат, идущий рука об руку с интеллигенцией, радостно откликнулся на этот лозунг. Василий Ильич гордился тем, что его отец причастен к всеобщему трудовому процессу, и сам старался не быть здесь лишним человеком. Своей задачей он считал воспитывать из подростков полноценных строителей светлого будущего. А какая же может быть полноценность без астрономии?

— Человек только тогда способен на что-то большое, когда смотрит на звёзды и смело мечтает, — однажды на уроке сказал он своим ученикам. — Мы с вами живём в таком замечательном государстве, которое заботится о каждом из нас и помогает каждому найти своё место в строительстве. Нам повезло, потому что у нас нет классового неравенства, в отличие от отсталых стран. Мы поведём за собой всю планету! Туда! — Он указал пальцем вверх, смущаясь охватившего его волнения. — К звёздам...

Мать Василия Ильича, по профессии экономист, была женщиной начитанной и умной. Она любила поговорить за ужином о тревожной обстановке в мире или о новых победах науки и техники. Бывало, между ней и отцом разгорались нешуточные споры по каким-то вопросам, и шли они с переменным успехом. Эти кухонные баталии особенно обострились, когда новый генсек Горбачёв объявил перестройку. Конечно, отец, как настоящий коммунист, всей душой и сердцем преданный партии, считал, что происходит предательство дела Ленина.

— Пойми ты, Любушка, — качая головой, твердил он, — добром всё это не кончится. Нельзя же вот так... рубить сторяча. Ох, чую, наломает он дров...

— Да правильно он всё делает, — возражала мать. — Давно уже пора по-человечески жить и ничего не бояться. А то ведь вся страна — как большая казарма. То нельзя, это не по-советски... А партийная верхушка насквозь прогнила и мешает всем нам идти дальше к коммунизму. Заелись они там, наверху, и никуда уже не спешат...

— Много ты понимаешь! — горячился отец. — Развалит этот Михал Сергеич весь наш социализм. Как пить дать, развалит. Хлебнём ещё горя...

— Ну, и пусть разваливает. Вон, те, кто за границей побывал, такое рассказывают. Получается, не жизнь там, а сплошная сказка.

— Дура! Думай, что мелешь! — Он стучал себя кулаком по голове. — Раньше бы тебя за такие речи...

Василий Ильич радостно всматривался в творившиеся вокруг перемены, ожидая от них только хорошего. Он тоже считал, что кое-какие отдельные недостатки не мешало бы подправить...

— “Главный замысел нашей стратегии, — красиво излагал генсек с экрана телевизора, — привести в действие весь потенциал социализма... Мы хотим превратить нашу страну в образец высокоразвитого государства, в общество самой передовой экономики, самой широкой демократии, самой гуманной и высокой нравственности, где трудящийся человек чувствовал бы себя полноправным хозяином, мог пользоваться всеми благами материальной и духовной культуры, где надёжно будущее его детей, где он располагал бы всем, что нужно для полнокровной, содержательной жизни...”

Он выражался заковыристыми фразами, и понять их иной раз было не просто. Звучало всё это заманчиво и непривычно: плюрализм, рыночная экономика, новое мышление, демократия, хозрасчёт.

Страна всколыхнулась во всеобщем желании жить по-новому.

— Процесс пошёл, — воодушевлял страну Михаил Сергеевич...

В отношении женского пола Василий Ильич, как и всякий настоящий романтик, с юности испытывал застенчивость, мешавшую ему обрести семейное благополучие. В свои двадцать восемь лет он всё ещё был одинок, изнывая от отсутствия женской ласки, и его пылкое сердце неистово жаждало возвышенной любви.

Одна из школьных учительниц, проявив сердобольность, познакомила его с подругой, которая тоже никак не могла устроить своё личное счастье.

Они встретились в городском парке, у летнего кинотеатра, и эта встреча, случившаяся в самом конце августа, наполнила душу Василия Ильича трепетом и новым смыслом жизни. Он сразу же влюбился в большие, синие глаза, таящие в себе ожидание чуда, и в добрую, скромную улыбку девушки, работавшей экономистом. Её имя Надя показалось молодому человеку самым красивым из всех женских имён.

В тот вечер они долго гуляли вдвоём, и учитель астрономии с упоением рассказывал о звёздах и планетах, и о том, как когда-нибудь люди полетят на фотонных кораблях к иным мирам — к Альфе Центавра, Сириусу, Бетельгейзе, а потом ещё дальше. Он говорил и говорил, чувствуя рядом с собой родного человека, нуждающегося в его словах.

— Придёт время, когда люди наконец-то поймут, что все они есть звездожители, а значит, должны жить, как истинно разумные существа. Тогда сразу прекратятся все войны и всякие распри, и земляне, вместе и дружно, возмутся за одно общее, грандиозное дело — осваивать Вселенную. — Василий Ильич замолчал, размышляя над своими словами, затем вздохнул. — Жаль, мы не увидим эту новую жизнь...

— Тебя так приятно слушать, — тихо сказала Надя, взяв его под руку. — Я даже сама начинаю представлять, как всё это будет. Все занимаются только любимым делом, и нет никакой преступности, никакой классовой эксплуатации... только труд и созидание... Как это здорово...

Уже давно стемнело, и чистое звёздное небо простиралось над гуляющей парой. Окна в домах гасли одно за другим — люди ложились спать, чтобы начать с утра новый рабочий день.

Неожиданно Василий Ильич каким-то неведомым шестым чувством понял, что Надя ждёт от него ещё каких-то других и очень важных слов.

— А хочешь, я буду рассказывать тебе о звёздах каждый вечер? — От собственной смелости его охватила дрожь, а сердце бешено заколотилось в груди.

— Да, — едва слышно ответила девушка. — Хочу.

Она смотрела ему прямо в глаза. Её взгляд был тёплым и ясным, и в нём было ещё что-то такое, от чего хотелось оторваться от поверхности Земли и унести туда, где нет земного тяготения. Наверное, в этот миг где-то на другом краю Галактики вспыхнула сверхновая звезда, и тепло этой вспышки приятной волной настигло молодого человека...

Они сыграли свадьбу той же осенью, образовав свою “ячейку общества” и вместе зашагав навстречу счастливому будущему...

* * *

Между тем, жизнь в стране менялась с каждым годом, но менялась как-то нехорошо и не понятно, в каком направлении. Прилавки магазинов опустели и появились талоны на продукты, а генсек назвал себя президентом, как в заокеанской Америке. После этого начались и вовсе немислимые венци. Страна как будто сошла с ума от непомерной жажды свободы и красивой жизни.

— Я с оптимизмом смотрю в будущее и готов к энергичным действиям, — заявил принявший присягу на верность народу и Конституции Борис Ельцин — большой мужик с сипловатым голосом. — Великая Россия поднимается с колен!..

Затем в Москве произошли события ранее невиданные и пугающие. Случился неудачный путч ГКЧП, после которого партия перестала быть умом, честью и совестью народа.

— Союз Советских Социалистических Республик прекращает своё существование, — радостно и гордо объявил Борис Ельцин.

Горбачёв ушёл в отставку, почему-то доложив об этом господину Бушу. Отец запил, и запои его делались всё тяжелее и дольше. Мать пыталась образумить его, то яростно набрасываясь с кулаками и проклятиями, то умоляя взять себя в руки и бросить пить. Но ничего не помогало.

— Эх, Любаша-Любаша, — говорил он с горестным выражением на лице, — как же ты не поймёшь, что мне тошно жить от того, что они сотворили с нашей страной... Ну, как же тут не пить?..

И однажды утром сердце отца не выдержало таких испытаний и разорвалось — смерть была быстрой, и приехавшая бригада “скорой помощи” уже ничем не могла помочь.

Но это была только первая большая беда в семье Василия Ильича. А вторая случилась на следующий год, когда его жена Надя уже готовилась стать матерью. При родах что-то пошло не так, и плод долго не могли извлечь из лона. А когда ребёнка всё же вытащили, то сразу куда-то унесли, после чего к рождению пришёл врач и сурово произнёс ужасные слова:

— Ваша дочка погибла. Извините.

И несчастным родителям отдали крошечную мёртвую девочку, которая не успела пожить и узнать этот огромный и прекрасный мир. А когда на похоронах заколачивали крышку маленького гробика, Василий Ильич заплакал и несколько не стыдился своих мужских слёз.

Врачи сообщили ему, что у его жены больные почки, из-за чего всё так и получилось, и что ещё одни роды она не переживёт. Конечно, это известие стало для него сильной душевной травмой, ведь он не меньше Нади мечтал о ребёнке, а теперь оказалось, что жена его вообще никогда больше не сможет родить. И всё же он по-прежнему любил её и в душе надеялся на то, что медицина очень скоро найдёт способы, как можно будет рожать и с больными почками.

Тем временем жизнь потихоньку шла дальше. Василий Ильич продолжал рассказывать детям о звёздах, забывая в работе своё горе. Но мысли его время от времени возвращались к умершей при рождении дочке, и тогда ему становилось очень тоскливо. А однажды он увидел удивительный, яркий сон, сильно потрясший его. Ему приснилось маленькое лучезарное существо, которое свободно перемещалось в космическом пространстве и заряжалось от энергии звёзд. Это существо радовалось жизни и заливалось задорным детским смехом.

— Папа, мне здесь так здорово! — весело закричало оно. — Мы играем, и нам хорошо!..

И он увидел множество других таких же сияющих существ, резвящихся на просторах Вселенной. Они гонялись друг за дружкой от звезды к звезде и заполняли пустоту эфира своими звонкими голосами.

Василий Ильич проснулся посреди ночи и понял, что видел в этом сне свою дочку. Он встал и, выйдя на балкон, долго смотрел на мерцающее звёздами небо, словно надеялся разглядеть в нём тех лучезарных существ. По его щекам катились слёзы...

Отныне в него вселилась необъяснимая уверенность в том, что душа его ребёнка живёт где-то там, в бесконечных космических далях, и ей там очень хорошо.

* * *

Планета встретила новое тысячелетие, и Василий Ильич, как человек передовых взглядов, ожидал от него многих величайших научных потрясений и открытий.

— Ребята, даже самая смелая фантазия не в состоянии предположить всего того, что ждёт нас в эту тысячу лет, — говорил он ученикам на своих уроках. — Но я несколько не сомневаюсь в одном. Люди обязательно достигнут других звёзд. Как именно это произойдёт, я не знаю, но это будет...

Борис Ельцин ушёл в отставку, и во главе страны стал новый президент, который заявил:

— Мы верим в свои силы, в то, что мы можем по-настоящему преобразовать и преобразить страну. У нас общие цели, мы хотим, чтобы наша Россия была свободной, процветающей, богатой, сильной, цивилизованной страной, страной, которой гордятся её граждане и которую уважают в мире... Могу заверить вас, что в своих действиях буду руководствоваться исключительно государственными интересами. Возможно, не удастся избежать ошибок, но что я могу обещать и обещаю, это то, что буду работать открыто и честно...

Вскоре стало ясно, что этот новый президент слов на ветер не бросает. Он быстро навёл порядок на Кавказе, и люди там, после двух кровавых войн, наконец-то зажили более-менее спокойно.

Василий Ильич воспринял эти события с радостным волнением, теперь закономерно ожидая, что изменения начнутся и в мирной жизни страны. И они начались, но почему-то всё менялось как-то очень странно.

Вот и в школах тоже происходили перемены, мало понятные учительскому уму. Так, вместо обычных выпускных экзаменов “сверху” стали назначаться тесты, которые, как утверждали большие чиновники, являются передовой системой проверки знаний.

— Советская система образования устарела и отстала от общемировых тенденций, — с умным видом заявляли эти большие чиновники. — Нам надо использовать опыт ведущих мировых держав и внедрять передовые методы школьного обучения...

Эти тесты обозвали неуклюжим словом ЕГЭ, вместо которого на язык всё время просилось “ЭГЕ”. Эге-ге!..

В школу откуда-то со стороны назначили нового директора — Лилию Аркадьевну. Эта сорокалетняя женщина выглядела весьма привлекательно и имела сквернейший характер. Она вела себя надменно и взбалмошно, не считаясь и не советуясь ни с кем из опытных преподавателей и устраивая взбучки по малейшему поводу. О ней ходили самые разные слухи. Так, например, судачили, будто Лилия Аркадьевна является любовницей не то какого-то крупного предпринимателя, не то большого городского начальника, а может быть, даже самого мэра.

— Настало время перемен, — заявила новая директриса на педсовете. — Я вижу в вашей школе большие упущения, и я их исправлю, чтобы добиться высоких показателей и бонусов для нашего коллектива. Но для этого я буду требовать от всех вас дисциплины и понимания. Каждый из вас должен осознавать личную ответственность за то, чтобы наша школа была на хорошем счету. Кроме того, не забывайте, что среди наших учеников есть дети богатых людей, имеющих влияние и большие связи, и к ним нужно относиться особенно внимательно...

Примерно через месяц Василий Ильич был вызван в кабинет директора.

— Я пригласила вас для серьёзного разговора, — сказала Лилия Аркадьевна, выражая на своём красивом личике крайнее недовольство. — Потому что он давно назрел... Вы не догадываетесь, почему?

— Нет, — честно ответил обескураженный таким началом Василий Ильич.

Она нахмурилась и побарабанила ухоженными пальчиками по столу.

— Хм... И это вам тоже минус... Так вот, суть в следующем. Сейчас настало время деловых, энергичных людей, прогрессивно и креативно мыслящих. А вы какой-то уж очень несовершенный. Вы мне напоминаете типичного совкового интеллигентика, ни на что не способного. — Лилия Аркадьевна окинула его оценивающим взглядом и брезгливо поморщилась. — Более того, сейчас востребован голливудский тип мужчины. Этакий мачо, супермен... Вы меня понимаете? Хотя вряд ли... — Она махнула ручкой. — Спортивная фигура, стильная одежда, всё престижное... — А вы... Вы посмотрите на себя. На кого вы похожи? Какой из вас мачо?.. Взять хотя бы ваши часы... Ну, что это за вульгарность?

— Командирские. — Василий Ильич понурился. — Хорошие часы. Надёжные.

— Вот и я о том же. Никакого вкуса... Да как вы вообще можете чему-то научить современных детей?

— Извините меня, но при чём здесь мачо? — попытался возразить Василий Ильич. — Я же учитель астрономии и физики и отлично знаю свои предметы.

— Вот видите, вы не понимаете такую простую вещь, — с укором произнесла Лилия Аркадьевна. — А значит, вы безнадежно отстали от времени и упорно не желаете идти с ним в ногу.

— С кем в ногу? — не понял Василий Ильич.

— Со временем, дорогой мой. Со вре-ме-нем! — Директриса покачала головой. — К тому же, вы постоянно критикуете современную систему образования, а это уже похоже на саботаж. В общем так... Или вы сделаете для себя выводы из того, что я вам сейчас сказала, или мы с вами расстанемся. Вам понятно?

— Да, — ответил Василий Ильич.

После этого разговора он долго думал над словами Лилии Аркадьевны, искренне пытаясь понять, какие именно выводы он должен сделать, но так и не пришёл ни к чему определённом.

“Я же им о звёздах говорю, а она мне про мачо... Нет, не понимаю я этого. При чём здесь мачо?..”

В самом конце учебного года Лилия Аркадьевна вновь вызвала его к себе в кабинет. Она была одета в облегающее чёрное платье с переливами и с глубоким декольте, и Василий Ильич подумал, что такая женщина, казалось бы, должна быть переполнена любовью и нежностью, но почему-то она совсем другая.

— У меня для вас не очень приятная новость, — строго произнесла она, переплетя перед собой на столе пальцы рук. — Видите ли, современная система образования не стоит на месте. Она постоянно развивается. Надеюсь, вы это признаёте?

— Признаю, — ответил Василий Ильич, смущённо взглядывая на декольте.

— Так вот... В следующем учебном году такой предмет, как астрономия, исключён из школьной программы.

— То есть как это... исключён? — Василию Ильичу показалось, что он ослышался. Слишком уж дико прозвучала эта фраза.

— Да вот так. — Лилия Аркадьевна картинным жестом поправила причёску. — Всё, астрономии в школе больше нет.

— Может, это какая-то ошибка? — предположил Василий Ильич.

— Никакой ошибки. Более того, лично я полностью согласна с таким решением. Зачем забивать детям головы всякими там звёздами и чёрными дырами? Детей нужно готовить к жизни здесь, на нашей планете и в нашем

обществе. Они должны думать о том, как стать в этой жизни успешными людьми. А ваши звёзды только отвлекают от первостепенных задач и насущных проблем, мешают сосредоточиться на главном.

— А что же, по-вашему, первостепенное и главное? — набравшись смелости, спросил Василий Ильич.

Лилия Аркадьевна посмотрела на него так, будто увидела перед собой заговорившую мумию фараона.

— Вы это спросили на полном серьёзе? Если вы даже этого не знаете, то как и чему вы учите детей?

— Я учу их, в первую очередь, вечным ценностям, доброму и прекрасному! — пылко произнёс он.

Лилия Аркадьевна скривилась в презрительной ухмылке.

— Ах, бросьте вы нести эту чушь. Учить надо тому, что пригодится во взрослой, самостоятельной жизни. В общем, так... Вот вам лист бумаги. Пишите заявление. Вы сокращены.

— Но я же веду ещё и физику, — с вызовом произнёс Василий Ильич.

— Физику? — Лилия Аркадьевна стала переключать на столе какие-то бумаги, не глядя на собеседника. — Ничего страшного. Физику может вести Наталья Валерьевна, она не сильно загружена.

— Но ведь Наталья Валерьевна преподаёт химию! Это же разные науки.

— Ну, не такие уж и разные, если разобраться. — Она вновь стала недовольной. — Это две смежные области естествознания. Физика изучает законы природы, материю, её структуру и движение, а химия — строение, состав и свойства веществ. В принципе, всё это взаимосвязано. Если вы не забыли, есть даже такая наука как химическая физика. Так что, думаю, Наталья Валерьевна прекрасно справится. Но зато наш коллектив станет более... монолитным и подтянутым. А то вы как-то уж слишком выбиваетесь из него, вносите дисгармонию, идёте, так сказать, не в ногу со всеми. А коллектив должен быть единым целым, чтобы добиться высоких показателей в работе. Сейчас не то время, чтобы из-за одной, извините меня, паршивой овцы страдало всё стадо. А сознательно лишаться дополнительных бонусов — это просто глупо. Так что пишите заявление, и до свидания...

Это событие, после смерти отца и дочурки, стало в жизни Василия Ильича третьей огромной трагедией. Он долго и тяжело переживал её и даже запил, но потом спохватился и нашёл в себе душевные силы “завязать” с выпивкой, чтобы не повторить судьбу отца. И всё же, в его разуме никак не укладывалось то, что астрономию убрали из школьной программы.

— Как же так? — спрашивал он вслух сам у себя, словно надеялся услышать ответ на свой вопрос. — Двадцать первый век на дворе, а они астрономию убрали... Да разве ж это можно? Мы же вперёд должны двигаться, туда... к звёздам... Нельзя ведь нам без звёзд, никак нельзя... Не может без них человек полноценно развиваться... Не может...

Душа учителя терзалась и кручинилась. Он всегда считал школу пристанищем юных звездочителей, которым предстоит творить и созидать. Это пристанище, прежде всего, должно помогать им становиться настоящими людьми, устремлёнными в звёздное будущее человечества. Ну и, конечно, оно обязано снабжать их всеми необходимыми для этого знаниями.

А тут — какие-то показатели и бонусы! Полный абсурд...

* * *

Так началась у Василия Ильича новая жизнь, в которой он пытался найти себе применение. Поиск работы оказался затруднительным, поскольку бывший школьный учитель не умел ничего другого, кроме как учить, и брать его никуда не хотели. Не оставалось ничего другого, как идти работать дворником либо охранником.

Тут случайно ему на глаза попало объявление о том, что требуются охранники на завод железобетонных конструкций. Так определилась его дальнейшая судьба.

Раньше, в советские времена, этот завод принадлежал государству и производил продукцию не только для области, но и в масштабах всего Черноземья: плиты, сваи, ступени, прогоны, стенные блоки и многое другое. Теперь же, после того как перестала существовать великая страна социализма и идею о всеобщем равенстве назвали вредной и бредовой, заводом стали владеть несколько человек. Хоть Василий Ильич и считал их буржуями, но деваться ему было некуда, потому что нужны были деньги для более-менее приемлемого существования.

Постепенно он привык к своей новой работе и к новому коллективу. К тому же, его радовало, что завод не умер, как многие другие предприятия, и, пережив лихие времена, продолжал давать продукцию и даже развивался — приобретал современные станки и внедрял передовые технологии производства.

Почти все охранники — бывшие военные, бывшие сотрудники милиции или тюрем, бывшие специалисты в той или иной профессии... Кто-то из них уже успел выслужить пенсию, а кто-то просто оказался вдруг лишним там, где проработал долгие годы, ненужным в том деле, которое любил и считал для себя самым важным. Вот и Василий Ильич был из числа таких бедолаг. Он не мыслил себя без школы, без астрономии и сияющих радостью познания детских глаз.

А ещё очень часто в звучащем в школьных коридорах детском смехе ему мерещился голос его дочери. Эта иллюзия стала навязчивой и возникала всё чаще и чаще, будоража сознание и душу. В такие моменты Василию Ильичу начинало казаться, будто дочка жива и здорова и сейчас тоже бегаёт по этой школе, играя с подругами в какую-нибудь весёлую игру. А иногда в его голове вдруг вспыхивала дикая мысль, что душа дочки и в самом деле временами проводит своего папу на работе...

И вот в одночасье он лишился любимого дела и всего того, что было так дорого его сердцу и являлось неотъемлемой частью его жизни: исписанной мелом чёрной классной доски, пытливых взглядов учеников и особой атмосферы, заполняющей школу...

Василий Ильич заступал на дежурство со своей сменой на сутки, после чего у него было три дня выходных. Такой график работы был ему вполне удобен, так что вскоре все мрачные думы покинули бывшего учителя астрономии, и он примирился с этой новой жизненной реальностью. В конце концов, она являлась далеко не самой худшей...

Только вот с женой его происходили нехорошие изменения. Видно, горе надломило её, и Надя всё больше и больше делалась склочной и вредной, могла устроить скандал из-за всякого пустяка. Она внезапно набрасывалась на мужа, обвиняя его в том, что он “рохля”, “тюфяк” и вообще “невдалий”. А иногда ни с того ни с сего начинала рыдать и стенать, становясь несчастной.

— Наденька, ну, прекрати, ну, не надо, — каждый раз пытался он успокаивать он жену. — Помнишь, как я тебе рассказывал о звёздах?

— Да пропади ты пропадом со своими звёздами! — кричала она в ответ, и эти её слова наполняли душу бывшего учителя астрономии горечью и унынием.

Год за годом жена всё сильнее и сильнее отдалялась от него как душой, так и телом, от её былой любви и нежности не осталось и следа, и ни о какой близости с ней уже не было и речи. Мужики, работавшие вместе с Василием Ильичом, советовали ему развестись и найти себе другую женщину, которая будет его любить и родит для него. Но он не допускал об этом даже мысли, потому что ему было жалко Наденьку. В его памяти всплывали картины того счастливого прошлого, когда красивая молодая женщина с глубокими, как море, синими глазами слушала его рассказы о звёздах и целовала так, что земля уходила из-под ног.

“Да как же я могу бросить её? Пусть она и превратилась теперь в зловредную бабу, пусть и нет уж между нами той любви, всё равно... Предать наше прошлое нельзя! Это будет величайшая на свете подлость!..”

И когда Василию Ильичу становилось от такой жизни совсем невмоготу, он смотрел на звёзды, и их мерцание в небе приносило его измученной душе облегчение и покой, действуя лучше любого лекарства...

* * *

Свет фонарей позволял хорошо рассмотреть всё происходящее. За столиком сидели два парня и девушка. Всем им на вид было лет по семнадцать-восемнадцать. Перед ними стояли три открытые бутылки пива и лежали распечатанные упаковки с чипсами и арахисом.

— Добрый вечер, молодёжь, — поздоровался Василий Ильич, обратив внимание на то, что у девушки перебинтовано запястье левой руки. — Не помешаю?

— Ну, это как посмотреть, — недружелюбно ответил один из парней. Он был крепкого телосложения и очень коротко, почти под “ноль”, стриженный. Его гардероб состоял из чёрной майки, обтягивающей мускулистый торс, и шортов камуфляжной раскраски.

Девушка хихикнула и отхлебнула из бутылки. Розовая маечка отлично смотрелась на её стройной фигуре, облекая и подчёркивая полную грудь. С левой стороны нос девушки был украшен золотистым колечком с застёжкой-шариком.

— Решил вот пообщаться с подрастающим поколением. — Не обращая внимания на реакцию сидевших, Василий Ильич подошёл вплотную к столику. — Хочется знать, чем вы живёте, что вас волнует.

— Мужик, тебе скучно, что ли? — спросил второй парень — худой и чернявый. Он был одет в узкие джинсы цвета индиго и коричневую футболку, разрисованную какими-то абстракциями и надписями на английском языке. — Или ты больной?

— А может, он маньяк? — предположила девушка и опять хихикнула.

— Точно, Катюха, маньяк! — засмеялся худой парень.

— Да никакой я не маньяк. — Василий Ильич слегка растерялся. — Просто раньше я учителем был...

— Ну, ёлы-палы! Охренеть... — Парень в шортах нахмурился. — Не люблю учителей. — Он сделал пару глотков из своей бутылки. — Достали они уже. Корчат из себя умных и грузят всякой фигнёй, а сами лохи по жизни.

— Почему это? — ещё больше растерялся Василий Ильич, который немного понимал молодёжный сленг. Ему никогда не приходило в голову, что ученики могут считать его “лохом”.

— Да потому! — Парень в шортах ослабил, продемонстрировав свои крепкие белые зубы, указывающие на отменное здоровье их обладателя. — Чего тут непонятного? Есть такая поговорка... Если ты умный, то почему не богатый?.. А если лох, то нечего мозги другим пудрить...

Василий Ильич застыл на месте, пронзённый страшной догадкой, что он и в самом деле кажется этим молодым людям неудачником, который не умеет права учить других, поскольку сам не добился известности и достатка.

— Но... нельзя же судить о человеке только по его обеспеченности, — неуверенно возразил он.

— Да туфта это! — Худой парень махнул рукой. — Бабло сейчас всё решает. У кого оно есть, тому и уважуха.

— Ладно, дядя, садись с нами, — великодушно разрешил крепкий. — Пиво будешь? — Он достал из большой чёрной сумки, стоявшей под столом, ещё одну бутылку и открыл её.

— Спасибо. — Василий Ильич скромно присел на край скамейки рядом с худым парнем и оказался как раз напротив девушки, которая смотрела на него насмешливо и даже чуть-чуть презрительно.

У неё были густые тёмные волосы, свободно спадавшие на плечи и спину.

— Ну, за тех, кто умеет жить! — Парень в шортах поднял бутылку и хорошенько приложился к ней.

— Лёха, чё там Серый? — спросил худой у своего приятеля. — Тачилу новую батя ему подогнал или как?

— Да, “Шевроле Круз”, — ответил тот, поморщившись.

— Нехило.

— Ага, нехило... Ну, а чо там твоя Танюха?

— Да задолбала уже, коза. Выделяется много. По ходу, цену себе набивает.

— Может, и набивает. — Лёха пожал атлетическими плечами.

Свою речь парни щедро и непринуждённо подкрепляли матерными словечками, ничуть не стесняясь присутствия взрослого человека и девушки, а та явно привыкла к таким лексическим оборотам, воспринимая их вполне спокойно, как должное.

Такое зрелище всегда угнетало Василия Ильича, который считал неприемлемым для нормального мужчины выражаться при женщине. Но ещё больше он впадал в уныние, когда женщина без смущения слушала сквернословие.

Он решил вмешаться в разговор парней и как-то перевести его на другую, более приятную тему.

— Вот так и живём мы на задворках Галактики. — Василий Ильич покачал головой. — Всё про машины думаем да про богатства.

— Чего-чего? — Худой удивлённо уставился на него. — Ты чо несёшь, дядя?

— Говорю, провинция ведь мы, по сути, окраина. Вот если бы поближе к центру... Может, уже и нашли бы братьев по разуму.

— Почему окраина? — спросил Лёха, который, похоже, был более сообразительным, чем его приятель.

— Как почему? Ведь наша Солнечная система, ребятки, находится почти у самого края галактического диска. Стало быть, на отшибе.

— Да? — Лёха хмыкнул и вроде как призадумался.

За столом на минуту воцарилось молчание.

— И что из этого? — неожиданно спросила Катя.

— Как что? — Василий Ильич всплеснул руками. — Да то, что в центре Галактики звёзды намного ближе друг к другу, а значит, там легче перелетать от одной звезды к другой. — Он встрепенулся, так как вдруг понял, что эти подростки совсем ничего не знают об основах астрономии. — А вы что, астрономии в школе не изучали?

— Нет, у нас её не было. — Лёха стал ещё более задумчивым.

— И у нас тоже, — тихо сказала Катя.

Худой промолчал и, схватив бутылку, сделал несколько глотков.

— Наша звезда Солнце, вместе с планетами и, соответственно, с Землёй вращается вокруг центра Галактики со скоростью двести тридцать километров в секунду, — начал излагать Василий Ильич.

— Не слабо! — изумился Лёха.

— А чтобы пересечь нашу Галактику от края до края, нужно лететь со скоростью света примерно сто тысяч лет. — Василий Ильич вновь ощутил себя учителем во время урока, и это приятное ощущение вдохновило его. — Таким образом, Земля делает один полный оборот вокруг центра галактики где-то за двести миллионов лет.

Худой присвистнул.

— Чо, в натуре? Не гони!

— Да, учёные давно уже вычислили эти величины.

— Жесть, — тихо произнесла Катя. Она протянула руку к бутылке, но так и не взяла её, словно решила больше не пить.

— Космические масштабы, ребята, грандиозны. Если попытаться их представить, то аж дух захватывает.

— Ну, и на фига нам всё это нужно? — Худой поднял бутылку пива и покачал ею перед Василием Ильичом. — Вот от пива есть хоть какой-то толк, а от этих твоих звёзд какой? А? Катюха, тебе эти звёзды нужны?

Девушка не ответила, и парень взглянул на неё удивлённо.

— Ведь мироздание это... необычайно сложная и интересная штука, — с упоением произнёс Василий Ильич.

— Да что там интересного-то? — Худой вдруг прыснул со смеху. — Звёзды какие-то... галактики... Дядя, не исполняя. Муть всё это.

— Вот взять хотя бы нас, — продолжал, не замечая насмешек, Василий Ильич. — Мы тут сидим сейчас и даже не чувствуем, что движемся в пространстве. Причём, совершаем сразу несколько движений.

— Как это? — с неподдельным интересом спросил Лёха.

— Да так... Во-первых, Земля вращается вокруг Солнца, а вместе с ним — вокруг центра Галактики. А во-вторых, сама Галактика летит по Вселенной.

— Куда? — невольно вырвалось у девушки.

Василий Ильич улыбнулся ей и пожал плечами.

— Куда летит, пока точно не известно, но куда-то летит со скоростью двадцать пять километров в секунду. У учёных на этот счёт есть несколько мнений. Одни считают, что весь наш Млечный Путь тоже вращается вокруг некоего центра Вселенной. Другие же предполагают, будто мы летим к Великому аттрактору.

— Куда-куда? — Худой выпучил глаза.

— К Великому аттрактору, — повторил Василий Ильич, испытывая трепет от этого таинственного словосочетания. — Это такое гигантское сверхскопление галактик, которое притягивает к себе все галактики. По крайней мере, как показывают наблюдения, многие галактики летят именно туда. Но мы пока что находимся очень-очень далеко от Великого аттрактора. Нас разделяют целых двести пятьдесят миллионов световых лет космического пространства. Так что долетим мы туда ещё ох, как не скоро. На Земле успеют родиться и умереть десятки тысяч поколений людей.

— А что будет потом? — тихо спросила Катя. — Когда Земля долетит туда?

— Потом? — Василий Ильич заметил, что все трое внимательно слушают его. — Ну... трудно сказать определённо. Может быть, ничего страшного и не случится, а возможно, произойдёт колоссальная вселенская катастрофа — наша Галактика разрушится, и жизнь на Земле прекратится. В общем, варианты разные.

Он замолчал и посмотрел на звёздное небо.

— Этот мир удивителен и прекрасен в своей грандиозности. Эх, завидую я тем, кто будет жить спустя тысячелетие после нас. Думаю, они непременно найдут способ долететь до самых дальних уголков Млечного Пути или даже выбраться за его пределы. Быть может, наши далёкие потомки узнают об этом мире что-то такое, о чём мы даже не догадываемся. Они поселятся на других планетах и будут строить космические города. И, конечно же, отыщут наших собратьев по разуму...

Василий Ильич замолчал и, закрыв глаза, стал представлять то, о чём сейчас говорил. Яркие, красочные картинки этой будущей, фантастической жизни будоражили его душу.

— Да, крутая будет житуха, — задумчиво произнёс Лёха и почесал затылок.

— Не то что сейчас, — грустно добавила Катя.

— А что, я бы полетел. — В глазах Лёхи появился дерзкий вызов.

— Куда? — не понял его товарищ.

— Туда. — Лёха тоже посмотрел на небо. — За пределы.

— И я бы полетела, — сказала девушка.

— Вау, Катюха! — Худой показал рукой "класс". — Моя ты космонавтка.

Он попытался обнять девушку, но получил решительный отпор.

— Не понял? — на лице парня появилось удивление. — Ты чо?

— Да ничо! — Катя отодвинулась на край скамейки. — Достал уже!

— О, блин. — Худой был явно озадачен таким поведением подруги. — Ты чо, перед дядей понтуешься?

— Да ничо я не понтуюсь, — раздражённо ответила она. — Дай послушать.

— Нет, ты видел, Лёха? — Худой ещё больше изумился. — Этот... нам тут всякую туфту прогоняет, а Катюха ведётся. Давай лучше я тебе расскажу... — Он опять полез к девушке и вновь встретил её сопротивление.

— Да чо ты ломаешься, в натуре? — уже с нотками обиды произнёс худой и взглянул на приятеля, видно, ища у того поддержки.

— погоди, Славян, — не поддержал его Лёха. — Пусть дядя ещё расскажет. Человек вон какую тему развил.

После таких слов худой, видно, вконец растерялся.

— Ну-ну, — недовольно проворчал он и приложился к бутылке.

Василий Ильич смотрел на Катю, и ему всё сильнее и сильнее казалось, будто перед ним сидит его собственная дочь.

“А ведь она была бы сейчас где-то такого же возраста”, — пришла к нему в голову мысль.

А потом он содрогнулся от немыслимого предположения, что тогда, семнадцать лет назад, в роддоме произошла какая-то чудовищная ошибка — умер не его, а чей-то чужой младенец, а врачи почему-то перепутали... “Перепутали! Ну, конечно!.. Как же я сразу-то это не понял?! Вот болван... Но как такое могло случиться? Почему?..” Он уже несколько не сомневался, что именно так всё и было, и вновь украдкой оглядел сидящую за столом девушку. Его разум продолжали волновать невероятные догадки. “А что, если это она и есть? Выросла и теперь вот сидит здесь... Ведь такое вполне может быть! Ведь в жизни возможны ещё и не такие завихрения!..”

— Катюша, а родители у тебя есть? — спросил Василий Ильич, не вынеся всех этих душевных терзаний.

— Зачем вам? — насторожилась она.

— Да так... просто интересно, — уклончиво ответил он.

— По ходу, дядька хочет тебя удочерить, — выдвинул версию Славян и тут же глуно захохотал.

— Губа не дура. — Лёха хмыкнул. — Я бы тебя, Катюха, тоже удочерил.

Василий Ильич пропустил эти остроты мимо ушей. Он напрягся, ожидая, что ответит девушка.

— Да есть у меня родители, есть, — недовольно произнесла она. — Только уж лучше бы их и вовсе не было, чем такие.

— Почему так? — обеспокоился Василий Ильич.

— Да потому. — Катя вдруг разозлилась. — Чего тут непонятного? Отец всё морали мне читает, поучает, как надо жить, а сам... Работает на заводе токарем. Зарплата — курам на смех. Зато на водку у него всегда зачка есть. Папаня, тоже мне, блин...

В её последней фразе слышались обида и презрение.

— А мать что? — спросил Василий Ильич.

— Да... — девушка махнула рукой. — Воспитательница в детском саду.

— Ну, так что здесь плохого? Хорошая профессия.

— Ага, очень. — Она поморщилась.

— К тому же, очень нужная работа для общества.

— Оно и видно по зарплате, — с сарказмом сказала Катя.

— В конце концов, не всё в этом мире измеряется деньгами.

— Да врётё вы! — гневно воскликнула девушка. — Всё измеряется деньгами! Всё-всё!

— А совесть? — растерявшись, спросил Василий Ильич.

— И совесть тоже. Да и кому она нужна, эта ваша совесть?

— Как это кому? Всем она нужна, Катюша, всем. Мне нужна, тебе, им вот тоже нужна. Всем... Только каждый это понимает в своё время, когда приходит срок.

За столом на пару минут воцарилась тишина. Лёха задумчиво крутил в руке пустую бутылку из-под пива. Славян перестал ухмыляться и ехидничать и выглядел сейчас так, словно в чём-то провинился.

— А расскажите ещё чего-нибудь... ну, про космос, — вдруг попросил Лёха.

— Ещё что-нибудь? — Василий Ильич повеселел. Эта просьба парня оказалась ему своего рода криком души человека, который неожиданно для

себя осознал, что долгое время был лишён чего-то очень хорошего. — Ладно, расскажу.

Он призадумался, подыскивая в уме что-нибудь поинтересней. В сущности, он знал и мог рассказать о Вселенной много всего: о рождении и смерти звёзд, о Чёрных Дырах и Кротовых Норах, о газопылевых туманностях и гравитационных линзах, о том, какие бывают галактики, и про квазары. Но тут Василий Ильич вспомнил о гениальном русском учёном-самоучке, изобретателе, мечтателе и философе космоса...

— А что вы, ребятки, знаете о Циолковском? — спросил он.

— Кто такой? — Лёха вопросительно взглянул на Славяна, но тот лишь пожал худыми плечами.

— Где-то я эту фамилию слышала, — сказала Катя.

— Неужели вы о нём ничего не знаете? — изумился Василий Ильич. — А ведь это ему принадлежит знаменитая фраза: “Планета есть колыбель разума, но нельзя же вечно жить в колыбели”.

— Сильно сказано, — похвалил Лёха.

— Сильно, — согласился Василий Ильич. — Он был простым школьным учителем, таким же, как я. Но этот человек предрёк создание ракет и космических кораблей и даже рассчитал траекторию их движения. Но не только... Ещё он выдвинул идеи космического лифта и поезда на воздушной подушке, орбитальных станций и гигантских инженерных сооружений вокруг звёзд... — Василий Ильич вновь распалился. — Как большой романтик, Константин Эдуардович мечтал о том, как люди переселятся в огромные космические города и превратятся в “эфирных жителей”... Ведь это же здорово, да?.. В своих грёзах он видел, что мы преобразуем всю нашу планету и превратим её в единый Большой Дом человечества, где всё будет устроено разумно и органично. Этот учёный верил в силу человеческого разума и в то, что мы не одиноки во Вселенной. Вот такой это был удивительный человек... У него была своя небольшая мастерская с токарным станком, где он изготовил макет дирижабля. А жил Циолковский на одну скромную зарплату. Но его труды и фантазии помогли проторить дорогу в космос. Вот так-то...

Василий Ильич растрогался от переполнявших его чувств.

— Круто, — констатировал Лёха.

— Угу, — согласился Славян.

— Он был настоящим звездожителем, — высказал Василий Ильич по-таённую мысль, — и всю жизнь шёл к осуществлению своей заветной мечты. У каждого непременно должна быть большая и светлая мечта, тогда ему легче преодолевать любые беды и трудности жизни.

— О, у меня есть такая мечта. — Славян осклабился. — Я мечтаю о белом “мерине”.

— Это о “Мерседесе”, что ли? — догадался Василий Ильич и вздохнул. — Нет, с такой мечтой тебе легче никогда не будет.

— Чо это? — Славян нахохлился. — Чем она плохая?

— Потому что это слишком приземлённая мечта, слишком меркантильная... Она не возвышает человека, а, наоборот, делает его рабом какой-то вещи...

В сумочке девушки заиграла музыка. Катя достала оттуда симпатичный розовый мобильник, глянула на экранчик и нажала кнопку.

— Да, мам... Гуляю с друзьями... Нет, всё нормально... Скоро буду...

Она отключила телефон и спрятала его обратно в сумочку.

— Ты чо, домой собралась? — насторожился Лёха.

— Да, пойду сейчас.

— Катюха, опять гонишь? — недовольно пробурчал Славян.

— Да пошёл ты! — огрызнулась она.

— Чо это с ней, а? — Славян недоумённо посмотрел на Лёху.

— Да пусть идёт, — отмахнулся Лёха. — Сама потом прибежит.

Девушка порывисто встала и повесила на плечо сумочку.

— Спасибо вам за вечер, — сказала она Василию Ильичу. — Вы извините нас.

— Да за что же? — взволнованно спросил он, внимательно глядяв-
ясь в лицо Кати.

— Ну... нагрубили вам. — Девушка виновато улыбнулась.

— Просто возраст у вас такой. — Василий Ильич растрогался от её слов. — Трудный у вас возраст. Вы взрослеете, вот и дерзите взрослым, показываєте, что и вы в этом мире уже что-то значите. Но лучше свою значимость доказывать какими-то серьёзными и хорошими делами. А дерзость нужна тогда, когда вы встречаетесь лицом к лицу со злом и подлостью. Впрочем, всё это банальные, избитые истины...

— До свидания, — сказала девушка, протянув ему руку. — Ой, а мы ведь даже не знаем, как вас зовут...

Василий Ильич понял, что девушка смутилась, и это было хорошим признаком. Он представился, пожав Кате правую руку.

— Ты только так больше не делай, — кивнул он на её левую, перевязанную бинтом. — Не надо. Хорошо?

— Хорошо, — после паузы ответила она. — Наверное, теперь больше не буду... Ну, я пойду.

— Всего тебе доброго, — пожелал ей Василий Ильич, чувствуя в душе отцовскую нежность.

— И вам тоже.

— Катюха, тебя проводить? — неуверенно спросил Лёха.

— Спасибо, не надо. — Девушка окинула своих приятелей и столик взглядом, полным сожаления, и пошла прочь.

— Ну, и пусть валит, — буркнул Славян. — Сама потом прибежит. У неё вечно в голове каша. Сама не знает, чего хочет.

— Парень ей хороший нужен, — сказал Василий Ильич. — Чтобы любил и заботился.

Славян ошарашенно уставился на него, обдумывая услышанное.

Лёха хотел было что-то сказать, но лишь хмыкнул и глотнул из бутылки пиво.

Тут Василий Ильич вспомнил, что дома его уже заждалась жена, которая, конечно, теперь будет гневаться и ругаться.

— Ну, ладно, молодёжь, пора и мне, а то что-то засиделся я с вами.

Он встал и, пожав парням руки, в приподнятом настроении пошёл к своему подъезду.

— Удачи вам, — раздался за его спиной голос Лёхи.

У дверей подъезда Василий Ильич остановился и оглядел двор, в котором прожил уже два десятка лет. Его душу переполняло ликование, потому что сегодня вечером он вновь ощутил себя школьным учителем, который провёл очередной свой урок. Причём урок этот, пожалуй, был одним из лучших в его жизни. Да, сегодня не было школьных парт и доски на стене, да и сам класс, в сущности, отсутствовал. И, тем не менее, этим прекрасным уроком смело можно было гордиться.